

Вэй Наньси, снедаемый подозрениями, невольно задумался о том, откуда здесь взялся шэнь. Решение пришло мгновенно: нужно скрыться, пока троица его не заметила. Он скользнул в морскую воду, густо замешанную на крови чудовища; растаявшие льдинки стали для него идеальным прикрытием. Все эти годы он вел затворническую жизнь, редко демонстрируя свою истинную силу, а для убийства шэня применил секретную технику — теперь в его духовной энергии отчетливо ощущалось дыхание звезд. Его определенно не узнают.

Эта энергия, пульсирующая в унисон с дрейфующими льдинами, создала несколько уровней маскировки. Пока кто-нибудь не погрузится в самую пучину, даже столь могущественное духовное восприятие, как у Кун Хуайи и его спутников, не сможет его обнаружить.

И правда: смерть шэня тут же привлекла их внимание.

— Ого, как его разделали. Интересно, каков этот гигант на вкус?

Первым подал голос Мэн Ханьюань — как обычно, в своей развязной и несерьезной манере.

Но стоило ему замолкнуть, как он вскрикнул от боли, словно от удара невидимым кинжалом, и принялся рассыпаться в извинениях:

— Ладно-ладно, признаю, язык мой — враг мой. Ваша милость, проявите великодушие, пощадите меня, а?

Следом заговорила женщина. Вэй Наньси прекрасно знал этот голос — сомнений не было, это Юэ Нюйсинь собственной персоной.

— Какая досада, — произнесла она. — Я потратила столько сил, чтобы заполучить послушного шэня. Хотела бы я взглянуть на того умельца, что смог его прикончить.

В её тоне не слышалось особого сожаления, зато едва сдерживаемая ярость по отношению к убийце зверя была вполне ощутимой.

Кун Хуайи холодно заметил:

— Среди учеников нашей секты Линсяо нет практиков, владеющих подобными техниками. К тому же этот человек сумел уйти невредимым. Наверняка это кто-то уровня Зарождающейся Души или выше, но среди прибывших в тайное царство Морских Облаков я таких не приметил.

Юэ Нюйсинь усмехнулась:

— Магия льда? Разве в твоей секте нет как раз такого мастера? Что, жалко отдавать его мне?

Мэн Ханьюань, обожавший подливать масла в огонь, вставил свои пять копеек:

— Точно-точно. Слышал, этот ученик тебе очень дорог. Неужели решил его выгородить?

— Выгородить? — Кун Хуайи словно услышал нелепую шутку. — Если бы я действительно дорожил им, стал бы я рассказывать вам, что у него ледяной духовный корень?

Юэ Нюйсинь, хоть и была связана с ним кровными узами, отвечала ледяным тоном:

— Такую чистую технику льда не под силу исполнить обычному практику.

— Каким бы гением он ни был, ему едва исполнилось двадцать. Достичь нашего уровня за десять с небольшим лет самосовершенствования? Это из области фантастики.

Юэ Нюйсинь лишь бросила случайную догадку, но слова Кун Хуайи заставили её вспомнить о другом человеке:

— Неужели твой младший брат? Если вдуматься, только ему такое по плечу. Если это действительно он, не вини меня за жестокость, когда я возьмусь за дело.

— Фан Чуньшэн? Он алхимик. Его техники не имеют к воде ни малейшего отношения.

Мэн Ханьюань снова вклинился в разговор:

— И тот не он, и этот не тот... Послушайте, почтенный наставник Кун, уж не вы ли сами это сделали?

Юэ Нюйсинь промолчала, позволяя Мэн Ханьюаню мутить воду, и Кун Хуайи пришлось объясниться:

— Был бы это я — признал бы. К чему гадать на пустом месте? Или вы, глава павильона Мэн, горите желанием лично всё проверить и разделаться с виновником?

Мэн Ханьюань тут же притих. Раскачивать лодку он любил, но подставляться под удар — увольте.

Фан Чуньшэн, может, и уступал ему в уровне культивации, но он был «местным» практиком, причем с весьма дурной славой. Сам же Мэн Ханьюань был пришлым, занявшим чужое тело, и в настоящей схватке исход был бы непредсказуем. Более того, хоть связь между Фан Чуньшэном и главой секты Ду Цзуньюанем оставалась загадкой, Мэн Ханьюань подозревал: убей он Фан Чуньшэна, и Ду Цзуньюань не оставит это просто так — совсем как в его прошлой

жизни.

Сразиться с еще не оперившимся главным героем Вэй Наньси? Пожалуйста. Но тягаться с Фан Чуньшэном — нет уж. Каким бы ни был итог, хорошим он точно не станет.

Юэ Нюйсинь, однако, не отступала:

— Если это не они, то и бог с ним. Но к чему такая защита? Боишься, что я подниму на них руку?

Кун Хуайи поспешно заверил её в своей покорности.

— Я знаю твои стремления, — произнесла Юэ Нюйсинь, и в её голосе промелькнуло разочарование, смешанное с недовольством. — Пока люди из Линсяо не встают у меня на пути, я их не трону. А ты... ты продолжай играть роль всеми уважаемого наставника.

Она тяжело вздохнула:

— Подумать только, в те годы я тащила тебя и...

Она явно хотела излить горечь, но быстро взяла себя в руки, вернув лицу холодное выражение.

— Забудь. Столько лет прошло, нечего ворошить прошлое. Если ты и впрямь еще помнишь, что я твоя мать, то, когда тот ученик с ледяным корнем наберется сил, приведи его в мои владения. Считаю это платой за то, что я тебя вырастила.

Кун Хуайи молчал, явно борясь с желанием отказать.

Юэ Нюйсинь окончательно разочаровалась:

— Если не хочешь — воля твоя. Можешь больше не показываться мне на глаза.

— Матушка... — Кун Хуайи запнулся. Голос его звучал глухо, словно ему потребовалось всё мужество мира, чтобы произнести это: — Мы были разлучены с детства, виделись редко, а младшая сестра и вовсе не знает, что вы живы. Я вырос в секте Линсяо. Предыдущий глава был ко мне добр как отец, я не могу пойти против совести.

Он был уже немолод и внешне выглядел даже старше Юэ Нюйсинь, но сейчас, когда он говорил со сдвинутым вздохом, в нем было что-то жалкое.

Впрочем, для Юэ Нюйсинь такой сын был хуже, чем если бы его не было вовсе.

Кун Хуайи низко поклонился ей, развернулся и ушел. Юэ Нюйсинь даже не пыталась его задержать — она смотрела ему в спину с ледяной усмешкой:

— Посмотрите на него, поет как по писаному. Кто не знает, и впрямь решит, что он образец благородства.

Мэн Ханьюань не ожидал, что события примут такой оборот. Кун Хуайи ушел, мать и сын окончательно разругались — эта «пластиковая» семейная идиллия рассыпалась так быстро, что он не успел опомниться.

Чувствуя, что атмосфера становится опасно наэлектризованной, Мэн Ханьюань осторожно пробормотал:

— Раз уж дела улажены, не пора ли вернуть мой Диск Сердечной Луны... э-э...

Юэ Нюйсинь посмотрела на него угрожающе. Мэн Ханьюань, будучи человеком прозорливым, тут же проглотил остаток фразы и замер, тихий как мышь, будто и вовсе ничего не говорил.

Лишь спустя долгое время после того, как они скрылись, Вэй Наньси решился вынырнуть на поверхность сквозь зазоры в обезумевших косяках рыб. Он был с ног до головы покрыт зловонной кровью чудовища. Быстро приведя себя в порядок, он поспешил обратно на духовную лодку секты Линсяо.

Фан Чуньшэн, судя по всему, держал ситуацию под контролем — раненых не было. Зато на палубе в ряд сидели связанные по рукам и ногам вольные практики. Вид у них был плачевный: одежда в лохмотьях, лица в синяках — похоже, их знатно отходили.

Но первым, кого он встретил, поднявшись на борт, был Кун Хуайи.

Вэй Наньси невозмутимо поклонился:

— Почтенный наставник Кун. Что здесь произошло? Где господин долины?

Кун Хуайи выглядел мрачнее тучи, но, увидев вернувшегося ученика, спросил:

— Где тебя носило? Кругом такой хаос, а ты бродишь черт знает где. Как Фан Чуньшэн вообще следит за своими людьми, раз позволяет тебе вот так разгуливать?

Вэй Наньси на мгновение даже засомневался: то ли Кун Хуайи просто по привычке

придирается к Фан Чуньшэну, то ли и впрямь за него беспокоится.

Но одно оставалось неизменным: слушать этого человека было выше всяких сил.

Выслушав поток бесполезных нотаций, Вэй Наньси наконец распрощался с ним и вернулся в их общую с Фан Чуньшэном каюту.

Еще не переступив порог, он почувствовал густой аромат целебных трав. Из комнаты вышла Фэн Чжи с охапкой окровавленной одежды. Увидев его, она неловко улыбнулась:

— Здравствуй, младший брат Вэй.

Вэй Наньси заметил алые пятна на ткани.

— Что случилось?

— Господин долины немного пострадал, когда спасал учеников. Сейчас он отдыхает, — заметив, как помрачнел юноша, Фэн Чжи поспешно добавила: — Он сказал, что рана пустяковая, и просил не поднимать шума.

— Я проверю.

Вэй Наньси вошел внутрь, и Фэн Чжи не успела предупредить его, что господин долины как раз обрабатывает раны, и его нынешний вид... не совсем подходит для посторонних глаз.

Едва переступив порог, Вэй Наньси увидел Фан Чуньшэна: тот сидел, сбросив верхнюю одежду до пояса. На бледной коже отчетливо выделялись полосы порезов, а цвет крови казался неестественно ярким на фоне его белизны.

— Как вы умудрились пораниться? — Вэй Наньси и сам не заметил, насколько встревоженным стал его голос.

Фан Чуньшэн не стал прикрываться. Напротив, он указал на мазь и произнес:

— Хорошо, что ты вернулся. Помоги-ка мне.

Вэй Наньси взял снадобье — разве мог он отказать? Подойдя ближе, он всё же не удержался от ворчания:

— Я же просил вас быть осторожнее. Как это вышло?

Раны на спине явно были следами подлого удара мечом. К счастью, они оказались неглубокими, хоть и выглядели пугающе.

Фан Чуньшэн был бледен от боли, но всё еще находил силы шутить:

— Разве от такого убережешься, как ни старайся?

— Тсс... — Он вздрогнул от резкого движения Вэй Наньси. — Ладно-ладно, давай я сам. У тебя рука тяжелее, я не успеваю подготовиться.

Вэй Наньси молча, с суровым видом принялся втирать мазь:

— Раны на спине. Как вы собрались делать это сами?

Он вспомнил выходящую Фэн Чжи и спросил:

— Если бы я не пришел, вы бы и впрямь мучились в одиночку? Неужели на всей Террасе Небесного Зеркала не нашлось ни души, способной помочь?

Фан Чуньшэн не понимал, откуда в юноше столько яда. Он опасался, что тот в порыве раздражения нажмет сильнее, но, к его удивлению, руки Вэй Наньси касались его спины необычайно нежно, почти благоговейно.

Фан Чуньшэн вспомнил ту неловкую сцену на лодке, когда они соприкоснулись лбами. Вэй Наньси тогда был в забытьи, но сам Фан Чуньшэн всё прекрасно осознавал, а после еще и выслушал нравоучения системы Сяосяо, которая, основываясь на высокоуровневых алгоритмах, назвала Вэй Наньси «непрошибаемым натуралом». Фан Чуньшэну не раз приходилось вступать с системой в интеллектуальные дуэли, но тогда он впервые потерпел сокрушительное поражение.

И теперь, вспоминая тот разговор, он ощущал странную неловкость.

Особенно когда на ум приходила системная оценка личности. «Система ошибалась уже столько раз, — подумал Фан Чуньшэн, — неужели и в этот раз она попала пальцем в небо?»

<http://bllate.org/book/17581/1714116>